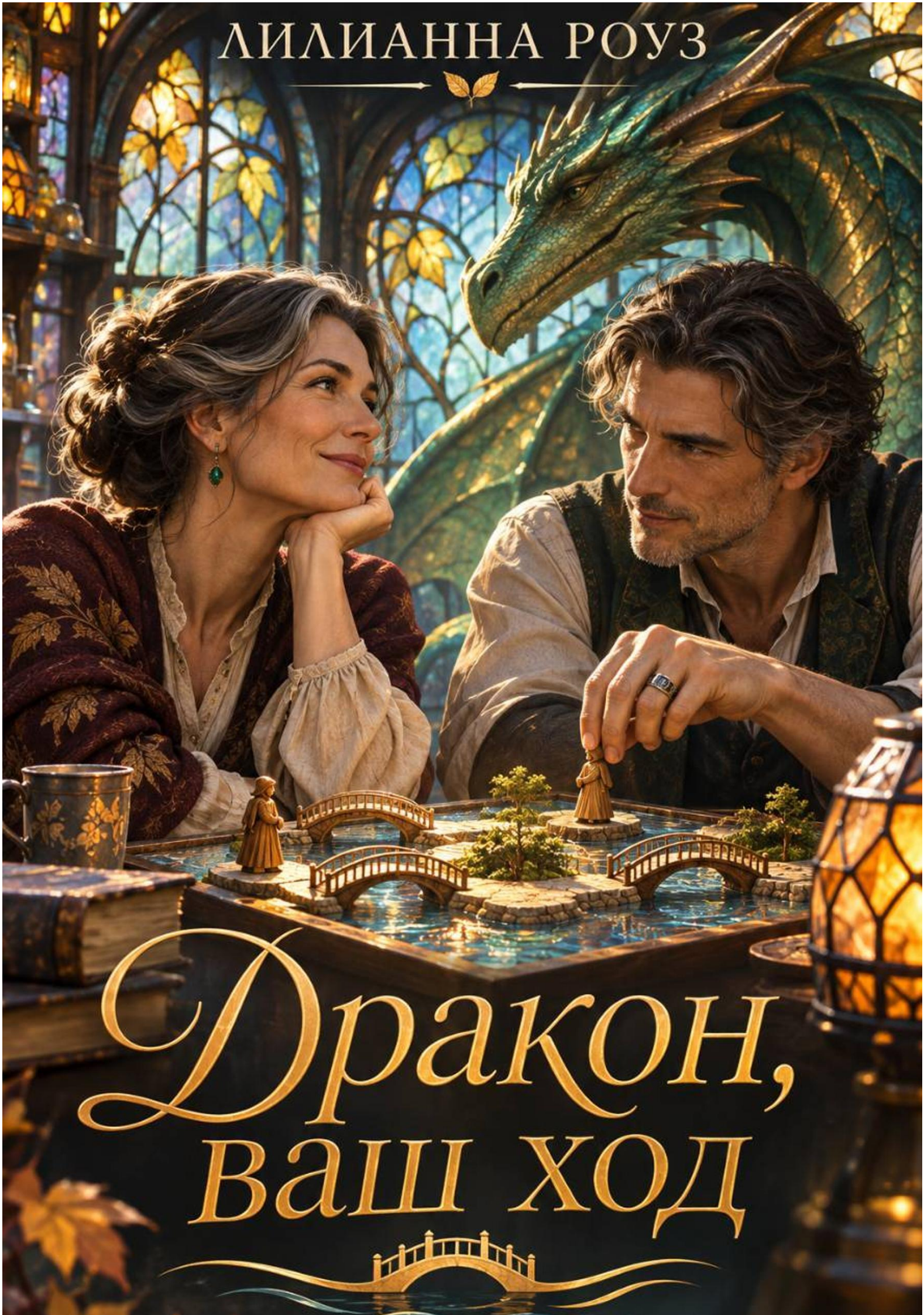
ЛИЛИАННА РОУЗ



Дракон, ваш ход

Лилианна Роуз

Дракон, ваш ход

«Автор»
2026

Роуз Л.

Дракон, ваш ход / Л. Роуз — «Автор», 2026

В сорок пять я вернулась в игровой клуб ради собственного удовольствия. Не ради знакомства с драконом, который умеет достойно проигрывать, смешно рассказывает о работе и неожиданно хорошо целуется.Все испортил один его ход. Рихард решил уступить мне победу, чтобы не огорчать любимую женщину. Только я не просила быть удобным соперником. Я хотела быть равной.Теперь нам предстоит сыграть друг против друга в зачете, где победа нужна обоим. И я пока не знаю, что окажется труднее: поверить в его честность — или остаться рядом, если он действительно выиграет.

© Роуз Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мост, которого не было 5
Глава 2. Человек без доски 8
Глава 3. Почтальон выбирает дорогу 11
Глава 4. Соседняя площадка 14
Глава 5. Честная победа 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Лилианна Роуз
Дракон, ваш ход

Глава 1. Мост, которого не было

Мой деревянный путник снял шляпу, поклонился сопернику и шагнул в воду.

— Не туда, — сказала я.

Фигурка обернулась. На ее лице, вырезанном из липы, ничего не изменилось, но мне показалось, что она осуждает хозяйку. Потом вода сомкнулась над короткими сапогами, и путник застыл на синей клетке.

— Он не утонул, — сообщил мужчина напротив. — Он ждет, когда вы заметите, что мост повернут другим концом.

— Я заметила.

— Теперь — да.

Я подняла глаза.

Мужчина смотрел на доску с таким спокойным интересом, словно маленькая деревянная катастрофа происходила каждую пятницу и входила в стоимость клубного взноса. Его темно-зеленый плащ лежал на соседнем стуле. Один рукав свесился на пол, но хозяин этого не замечал.

— У вас плащ собирает пыль, — сказала я.

Он посмотрел вниз, поднял рукав и аккуратно уложил его на спинку.

— Благодарю. Теперь мы оба заметили важное.

Я не удержалась от улыбки.

В клубе было шумно. У окна Леопольд Краус спорил о том, можно ли считать опозданием приход ровно после того, как Ида перевернула песочные часы. В дальнем углу двое молодых людей пытались заставить иллюзорную лодку пристать к берегу, хотя лодка не участвовала в игре и служила исключительно для красоты. Под потолком шелестели бумажные листья: настоящие осенние листья Ида запрещала приносить после того, как ими забили печную решетку.

Я не была здесь почти четыре года.

Сначала я пропустила один зачет, потом решила вернуться к следующему. Вечера находились для всего остального, а клуб я всякий раз откладывала. Следующий прошел, пока я переводила особенно длинный дневник человека, трижды описавшего одну и ту же гору с разных сторон. Потом оказалось, что проще играть дома с Фридой и говорить, будто клубные состязания мне больше не интересны.

Фрида в это не верила. Сегодня она проводила меня до дверей и ушла прежде, чем я успела придумать уважительную причину вернуться вместе с ней.

— Продолжим? — спросил мужчина.

— Если вы не возражаете против мокрого противника.

— Я противник. Мокрый у вас путник.

Он коснулся бокового края доски. Вода исчезла, оставив обычную синюю краску. Мой человечек стоял на ней, совершенно сухой.

Я знала, что фигурки не живые. Знала с девяти лет, когда попыталась тайком накормить одну хлебной крошкой. Но новые доски делали слишком убедительными. На старой, оставшейся у меня от отца, путники не снимали шляп и не выражали своего отношения к хозяйским ошибкам.

— Давно не играли на клубной? — спросил мужчина.

— Давно не играла здесь. Дома мосты хотя бы не притворяются настоящими.

— Привыкнете. Хотите без воды?

Я посмотрела на открытую доску, на четыре поворотных мостика, на своего второго путника, который все еще находился у ближнего берега.

— Нет. Оставьте. Иначе я начну обвинять в проигрыше недостаточную красоту реки.

Он вернул иллюзию.

Мы сели за этот стол случайно. Я пришла слишком рано для записи, решила проверить, помню ли новые мостовые петли, и попросила первого свободного человека сыграть короткую партию. Мужчина согласился, не назвавшись. Теперь это казалось странным: я уже знала, что он не спешит с движением руки и не притворяется, будто не заметил чужого промаха, а имени все еще не спросила.

— Эльза Крамер.

— Рихард Беккер.

— Вы всегда так спокойно встречаете чужие ошибки?

— Только пока не сделал собственную.

Перед моим промахом он повернул свободный мост возле дальнего островка. Один его путник уже дошел до моего берега. Второй ждал у развилки. Мне оставалось провести двоих в обратную сторону, и я слишком долго думала о красивом обходе справа, не замечая короткой дороги, которую открывала ему сама.

В этом и заключалась неприятная прелесть «Четырех мостов»: мосты принадлежали не тебе. Ты мог повернуть свободный, мог перевести своего путника на соединенную площадку, но не мог приказать сопернику не пользоваться твоим удачным решением.

Я вернула деревянного утопленника на исходное место. Неудачный шаг не считался ходом, доска его просто не принимала. Теперь следовало выбрать настоящий.

— Вы долго думаете, — заметил Рихард.

— У вас есть неотложные дела?

— Нет. Я боялся, что вы решаете, как вежливо закончить знакомство.

— Для этого я обычно встаю.

— Полезный прием. Возьму на заметку.

Я передвинула второго путника к середине. Рихард наклонился чуть ближе. У него были серые глаза; когда он сосредоточивался, между бровями появлялась небольшая складка.

Он увидел то, что придумала я.

Это было приятно.

Мой первый путник только что демонстративно шагнул мимо моста, зато теперь мужчина напротив медлил. Он переводил взгляд с одной площадки на другую, и я с удовольствием ждала, какой путь он выберет.

— А вот это нехорошо, — сказал он.

— Для кого?

— Для меня. Для вас, вероятно, удачное начало вечера.

Я откинулась на спинку стула.

Он выбрал другой путь. Через несколько ходов мы оказались в тесном соседстве у среднего островка: ни один не мог повернуть занятый мост, а уступать площадку не хотелось. Пришлось пожертвовать красивым замыслом и отвести путника назад.

Рихард довел второго до берега первым.

Деревянные фигурки поклонились друг другу. Моя сняла шляпу особенно низко, будто напоминала о своем водном приключении.

— Реванш? — спросил он.

— Я сначала запишусь.

— На следующую пятницу?

— В осенний зачет.

Он поднял на меня глаза. Я уже приготовилась услышать ободряющее «почему бы нет». Такое удобное выражение: вроде и поддержки не пожалел, и собственного мнения не сообщил.

— Тогда увидимся в воскресенье, — сказал Рихард. — Я тоже участвую.

Ида Фальк появилась у стола с толстой тетрадью. Ее седоватая коса была скручена так туго, что ни один волос не смел отстать от остальных.

— Эльза, ты пришла. Фрида уверяла, что придешь, но она всегда говорит уверенно.

— У нее это лучше получается, чем у меня.

— Зато ты лучше играешь. Фамилию помню. Взнос принесла?

Я достала кошелек.

Ида отсчитала монеты и показала расписание. Четыре отборочных воскресенья, одно свободное между третьим и последним туром — на городской выходной, когда зал занимало соседское общество. Потом финальные встречи четырех лучших.

Я переписала даты на оборот записки от издателя. Еще утром там было распоряжение уточнить название северного пролива. Теперь между проливом и чужой неразборчивой подписью помещались мои ближайшие недели.

— Если что-то изменится, предупреди заранее, — сказала Ида. — Не заставляй людей ждать у пустого стола.

— Не изменится.

Я услышала собственную поспешность и добавила:

— Если изменится, предупрежу.

Рихард поднялся, накинул плащ. Я заметила у него на руке тонкую царапину, испачканную чем-то зеленым, и подумала, что он, вероятно, работает с краской. Пальцы были сильными, с короткими ногтями, совсем не похожими на руки человека, занятого одними настольными победами.

— До воскресенья, Эльза.

— До воскресенья.

Он отошел, а я осталась возле стола.

Ида проследила за моим взглядом.

— Хороший игрок, — сказала она.

— Я заметила.

— И еще любит ставить стул на проходе. Если будешь с ним играть, сначала переставь стул.

Она ушла, не оставив мне возможности приписать ее словам более тонкий смысл.

Я собрала своих путников в коробку. Один никак не помещался под крышкой: шляпа зацепилась за край. Пришлось повернуть его боком.

Четыре года я рассказывала себе, что уже переросла желание сидеть над маленькой рекой и сердиться на деревянного человечка. Оказалось, не переросла.

И, закрывая коробку, я поймала себя на том, что жду воскресенья не только из-за игры.

Глава 2. Человек без доски

Наутро в чужом путевом дневнике обнаружилась фраза: «Местные жители встречали нас с исключительной горячностью».

Дальше следовало подробное описание того, как местные жители гнали путешественников от своих садов длинными палками.

Я перечитала страницу, отложила перо и засмеялась.

Именно за такие места я любила свою работу. Автор мог лгать, хвастаться, путать названия, но рано или поздно все равно проговаривался. Приходилось только решить, как передать это так, чтобы читатель увидел человека, а не красивую груду слов.

Фрида пришла в половине одиннадцатого, когда я уже успела поссорить автора с двумя хозяевами садов и одной сердитой козой.

— Ты улыбаешься, — сказала она вместо приветствия. — Значит, либо сходила, либо решила, что не пойдешь и больше не надо мучиться.

— Сходила.

Она поставила на стол сверток с еще теплой булкой.

— И?

— Проиграла.

— Сразу?

— Не с порога. Мне сначала позволили сесть.

Фрида сняла платок и оглядела комнату, словно искала следы особенного вечера. Нашла только расписание, которое я закрепила на стене рядом с рабочими сроками.

— Записалась.

— Да.

— Ну, слава всем мостам. Я больше не буду слушать, как тебе это неинтересно.

— Ты и раньше не слушала.

— Редкий случай, когда моя невнимательность пошла на пользу.

Мы разрезали булку. Фрида рассказывала о рисунке для ткани, в котором заказчик требовал сделать цветы естественными, но непохожими ни на один существующий цветок. Я предложила нарисовать картофельные листья и назвать их редким южным растением. Она серьезно задумалась.

Потом посмотрела на меня поверх чашки.

— Кто тебя обыграл?

— Рихард Беккер.

— Знаю. Он делал раму для витража у моей тетки.

— Мастер?

— Хороший. Тетка три дня уверяла, что стекло нельзя ставить желтым к западу, потому что вечером гости будут похожи на запеченные груши. Он поменял расположение. Потом она решила, что груши были бы даже милыми.

Я представила Рихарда у окна сердитой тетки и почему-то услышала, как он говорит: «Теперь мы оба заметили важное».

— Он дракон, — добавила Фрида, отламывая край булки.

Я посмотрела на нее.

— Правда?

— Нет, я каждую субботу выдумываю кому-нибудь второй облик. Конечно, правда.

В Линдфельде драконы не были редкостью. Двое жили на нашей улице, один преподавал счет в соседней школе и каждый год жаловался, что детям гораздо интереснее его хвост, чем сложение. И все же я попыталась вспомнить, чем Рихард мог выдать себя вчера.

Вчера я заметила мокрый край плаща, царапину на руке и серые глаза. Ни одного надежного признака дракона среди них не было.

— Он тебе не сказал? — спросила Фрида.

— Мы играли.

— Понятно. У вас были дела важнее.

Я хотела возразить, но она уже смеялась.

Мы дружили со времен, когда мне казалось, что к сорока пяти годам жизнь обязательно станет понятной. Выяснилось, что понятными становятся только некоторые неприятности. Например, я уже не отвечала издателю немедленно, если он приносил страницы вечером и называл утро «вполне удобным сроком». Зато могла полчаса раздумывать, слишком ли торопливо улыбнулась малознакомому мужчине.

После ухода Фриды я закончила две страницы и отправилась на рынок. Нужно было купить хлеб, яблоки и тонкую бечевку для папок. Обычная суббота, в которой не предполагалось ничего замечательного.

Рихард стоял у торговца грушами и смотрел на два плода с таким серьезным видом, словно один из них открывал ему дорогу к противоположному берегу.

Я узнала его раньше, чем он повернулся.

— У груш нет скрытых ходов, — сказала я.

— Это вы так думаете. Вчера купил четыре, а дома выяснилось, что съесть можно только одну.

— И теперь решили спросить каждую лично?

Он улыбнулся и положил обе на прилавок.

— Доброе утро. Вы на рынок или через рынок?

— Пока на рынок. Но после вашего рассказа начинаю сомневаться.

Торговец молча разрезал одну грушу и протянул нам по ломтику на чистом листе. Я попробовала. Груша была твердой и сладкой.

Рихард посмотрел на торговца с уважением.

— Вот это убедительно.

Мы купили по несколько штук и отошли, чтобы не мешать очереди.

Он нес узкий деревянный футляр. Я спросила, не доска ли там. Оказалось, образцы цветного стекла для заказчика.

— Фрида рассказывала про раму у ее тетки, — сказала я.

— Про груши?

— Про людей, похожих на груши.

— Значит, она успела увидеть первый вариант. Мне он нравился больше. Но сидеть у того окна не мне.

Он улыбался, рассказывая о желтом стекле. Я представила это окно вечером и решила, что все-таки предпочла бы запеченные груши очередной перестановке.

Мы пошли вдоль рядов. Рихард спросил, чем я занимаюсь, и я рассказала про путевые дневники. Он сразу спросил, приходится ли мне сохранять чужие нелепости.

— Если автор объявляет, что гора находится на севере, а солнце у него садится прямо за ней, что вы делаете?

— Сначала проверяю, не повернулся ли он сам.

— Разумно.

— Потом пишу примечание. Иногда выясняется, что гору он вообще видел на чужом рисунке.

— И все равно поехал?

— Судя по тексту, дальше ближайшего постоялого двора не добрался.

Рихард рассмеялся и даже остановился посреди ряда. Пришлось подвинуться к прилавку, чтобы дать пройти женщине с корзиной.

Я обычно сокращала такие истории, боясь утомить подробностями. Сейчас вспомнила еще одну и едва удержалась от того, чтобы немедленно рассказать ее целиком.

У ряда с корзинами мы остановились. Моя сумка стала тяжелой; я переложила ее в другую руку.

Рихард посмотрел на ручки.

— До какого места вы идете?

— До площади. Потом домой.

— Мне тоже туда. Могу понести часть.

Я достала сверток с яблоками, подумала и оставила у себя.

— Она не настолько тяжелая. Я просто купила лишнюю капусту.

— Капуста вообще обладает способностью расти после покупки.

— Вы тоже заметили?

— Особенно в маленькой сумке.

Он не стал забирать ее у меня и не обиделся. Только пошел чуть медленнее, чтобы мы не задевали плечами встречных.

Возле площади Рихард поднял футляр, собираясь попрощаться. Я вдруг поняла, что хочу задать еще один вопрос, пусть даже совершенно ненужный.

— А вы давно в клубе?

— Шестой год. До этого жил в другом конце города, играл ближе к дому.

— Долго добираться ради четырех мостов.

— Теперь здесь хорошие соперники.

Он сказал это без нажима, но посмотрел на меня.

Я отвела взгляд на фонтан. Вода стекала по каменной рыбе, у которой прошлой зимой отбили кончик хвоста. Мне всегда было жаль эту рыбу, хотя она, в отличие от моих путников, не умела даже притворяться живой.

— Пока вы видели только одну мою партию, — сказала я.

— Именно. Хотел бы увидеть еще.

— В воскресенье увидите.

— Если Ида посадит нас рядом. В зачете никто не обещает удобного зрителя.

Я подумала о своей старой доске, которая лежала на верхней полке шкафа.

— В понедельник можно сыграть отдельно.

Рихард не ответил немедленно. Мне хватило этой короткой паузы, чтобы пожалеть о предложении, потом рассердиться на свою трусость, потом заметить, что он просто вспоминает расписание.

— После шести я свободен, — сказал он. — В клубе?

— В клубе.

— Тогда до воскресенья. И до понедельника тоже.

Мы разошлись у фонтана.

Дома я положила капусту на стол. Она действительно оказалась значительно больше, чем на рынке. Пришлось убрать ее в отдельную корзину.

Потом я достала с верхней полки старую доску и стерла пыль с крышки. Никаких иллюзорных рек в ней не было. Четыре простых мостика, два берега и маленькие деревянные путники, которые терпеливо ждали, пока я перестану объяснять себе, почему мне вполне достаточно не играть.

Глава 3. Почтальон выбирает дорогу

Леопольд Краус пришел на первую зачетную встречу с двумя грушами.

Одну положил возле своей чашки. Вторую подвинул ко мне.

— Чтобы не говорили, будто я морю соперников голодом.

— Вы собираетесь играть до вечера?

— Я не собираюсь. Но ваши намерения мне неизвестны.

Ему было шестьдесят три, и он умел произносить любое замечание с видом человека, который только что доставил его по правильному адресу. Даже густые седые брови у него поднимались по очереди, словно соблюдали служебный порядок.

Ида ходила между столами и проверяла часы. В зачетных партиях на размышление отводилось определенное время, и мне впервые за долгое время предстояло думать не только о позиции, но и о песке, который тихо пересыпался рядом.

Я поставила сумку под стул. Пальцы были холодными.

— Волнуетесь? — спросил Леопольд.

— Да.

— Правильно. Я тоже. Только у меня опытнее лицо.

Я засмеялась, и холод немного отступил.

Рихард сидел через два стола от нас, напротив Норы Вейс. Нора закрепляла волосы длинной деревянной шпилькой и смотрела на доску. Рихард что-то сказал ей, она ответила коротко, и оба улыбнулись.

Я поймала себя на том, что прислушиваюсь, и отвернулась.

Не хватало еще начать первый тур с изучения чужого разговора.

Ида хлопнула ладонью по краю своего стола.

— Начинаем. Подсказки оставляем при себе. Чужие часы не трогаем. Если вам кажется, что мост повернулся не до конца, зовете меня, а не доказываете это силой.

— Это было один раз, — отозвался кто-то у окна.

— Поэтому я и помню.

Леопольд протянул руку. Я пожала ее, и игра началась.

Первые ходы дались легко. Я вела одного путника по короткой дороге, второго оставляла у берега. Леопольд, наоборот, за первые ходы вывел обоих, заставляя меня следить за двумя направлениями.

Он не торопился. Иногда щурился на мостик, словно видел его впервые. Потом делал ход, который через несколько минут оказывался крайне неудобным для меня.

Я привыкла играть с Фридой, которая сначала хмурилась, потом говорила: «Сейчас я тебе устрою», и обычно действительно устраивала. Леопольд ничего не обещал. От этого было труднее.

У среднего островка он задержал моего первого путника, заняв нужную площадку. Я могла отвести фигурку назад, могла начать долгий обход, могла повернуть свободный крайний мост и тем самым открыть короткую дорогу ему.

Последнее выглядело глупостью.

Я уже потянулась к другому мостику, когда заметила, что второй путник Леопольда после такого поворота окажется слишком далеко от его первого. Он выиграет время одним, но потеряет возможность быстро освободить место другому.

Я убрала руку.

Леопольд смотрел на меня поверх очков.

— Не спешите, — сказал он.

— Песок с вами не согласен.

— Песок вообще неприятный собеседник.

Я повернула крайний мост.

Деревянная фигурка на его берегу оживилась, подняла посох и двинулась вперед после легкого прикосновения хозяина. На мгновение мне захотелось вернуть ход. Все-таки красиво придумать и правильно придумать — разные вещи.

Но возвращать было нельзя.

Я выдвинула второго путника.

Леопольд перестал щуриться. Наклонился ближе, посмотрел на свободный островок справа. Теперь выбор оказался у него.

Я почувствовала, как сердце колотится сильнее, чем полагалось из-за нескольких кусков дерева.

В комнате кто-то кашлянул. У соседнего стола скрипнул стул. Я слышала все слишком отчетливо и одновременно не замечала ничего, кроме маленькой реки.

Леопольд попробовал задержать меня поворотом центрального моста. Я отвела первого путника на шаг назад, освободив переход второму. В прошлую пятницу я пожалела бы красивый замысел. Сейчас мне хотелось довести их обоих, пусть не самым изящным способом.

Через несколько ходов Леопольд остановил часы.

— Вот что значит уступить человеку удобную дорогу, — сказал он. — Потом оказывается, что он дал ее ненадолго.

Я не сразу поняла, что партия закончилась.

Мой второй путник уже стоял на противоположном берегу. Первый, добравшийся раньше, снял шляпу и помахал ему. На этот раз никто не полез в воду.

— Я выиграла?

Леопольд посмотрел на меня с укоризной.

— Не заставляйте проигравшего подтверждать это дважды.

— Простите.

— Да не за что. Хорошо сыграли. На пятом повороте я решил, что вы недосмотрели. Надо было подумать, почему так щедро открываете путь.

Он протянул руку, и я пожала ее слишком крепко.

Ида записала результат. Я посмотрела на свою фамилию в тетради, словно она наконец появилась там по-настоящему.

До конца остальных партий оставалось время. Забрав сумку и оставленную мне грушу, я вышла в коридор, выпила воды из общей глиняной кружки и только тогда обнаружила, что улыбаюсь без всякой необходимости.

Рихард появился минут через десять.

— Поздравляю, — сказал он.

— Вы видели?

— Конец. Нора отпустила меня раньше.

— Вы выиграли?

— Нет. Она вовремя заметила то, на что я надеялся.

Он говорил спокойно, но провел ладонью по затылку и еще раз оглянулся на оставленную доску. Все-таки досадовал. Я подождала, пока он снова повернется ко мне.

— А я думала, что вы всегда выигрываете, — сказала я.

— После одной партии? Вы быстро составляете мнение.

— Иногда слишком быстро.

— Тогда у меня еще есть надежда его испортить.

Мы стояли возле высокого окна. На стекле отражались столы, накрытые зелеными суконными полотнищами, согнутые спины игроков, Ида с тетрадью. В отражении рядом с ними сто-

яла я, с сумкой на плече и растрепавшейся прядью у щеки. До следующего воскресенья оставалась целая неделя; ждать уже не хотелось.

Рихард посмотрел на грушу в моей руке.

— Вы принесли перекус?

— Леопольд дал. Теперь не знаю, уместно ли есть после того, как я его обыграла.

— Думаю, он рассчитывал, что вы будете заняты грушей и не заметите второй путь.

— Вот зачем он так щедр.

— У него хорошая репутация. Может себе позволить.

Я разрезала грушу маленьким ножом, который лежал на подоконнике рядом с блюдом для фруктов. Отдала Рихарду половину, другую оставила себе. Мы ели молча, глядя на мокрые желтые листья за окном.

Потом он спросил:

— Вы завтра хотите просто сыграть или разобрать ту позицию, на которой мы застряли в пятницу?

— Сначала сыграть. Разбирать ошибку приятнее, когда появилась новая.

— Согласен.

Он вынул из кармана сложенный листок и хотел что-то записать, но перо не писало. Встряхнул его, посмотрел на чернильное пятнышко на пальце и вздохнул.

Я достала свое.

— Держите. Только не объясняйте ему, куда течь. Оно этого не любит.

Рихард взял перо и записал время встречи на обороте какого-то рабочего рисунка. Я успела увидеть дугу окна и несколько коротких отметок у края.

— Не забудете из-за стекла? — спросила я.

— Нет. Теперь у стекла есть уважительная причина подождать.

Он вернул перо.

Я убрала его в сумку и подумала, что мне нравятся не только его спокойные ответы. Мне нравилось, как он замолкает, когда думает. Как досадует на проигрыш, не превращая его в чужую вину. Как держит половину груши за самый край, стараясь не уронить сок на рукав.

В конце коридора Ида позвала игроков проверить записи следующего тура.

Я пошла к ней первой. Рихард задержался, чтобы выбросить огрызок.

И все же, когда я подошла к тетради, мне уже хотелось оглянуться и убедиться, что он идет следом.

Глава 4. Соседняя площадка

В понедельник я пришла в клуб на десять минут раньше и застала Рихарда за занятием, не имевшим отношения к победам.

Он пытался вынуть из-под шкафа деревянного путника.

— Потеряли? — спросила я.

— Ида нашла его отсутствие. Самого пока нет.

Из-под шкафа виднелся кончик длинной линейки. Рихард стоял на одном колене, придерживая край плаща, а Ида освещала щель маленьким настольным фонарем.

— Не давите сверху, — сказала я. — Вы его только дальше загоняете.

Рихард повернул голову.

— Добрый вечер. У вас есть опыт спасения путешественников из-под мебели?

— По моим переводам, они чаще выбираются из таких мест сами, а потом уверяют, что исследовали древние ходы.

Я сняла пальто, повесила его на свободный крючок и попросила Иду дать вторую линейку. Одной мы подперли путника сзади, второй осторожно повернули. Фигурка выкатилась на свет, потеряв шляпу.

— Шляпа там осталась, — сообщил Рихард.

— У него начинается новая жизнь, — сказала Ида. — Без шляпы. Благодарю.

Она забрала путника и ушла к своему столу.

Рихард поднялся, отряхнул колено и посмотрел на меня.

— Мы еще не начали, а вы уже нашли лучший ход.

— Это не считается. Под шкафом я играю увереннее.

Мы выбрали стол у окна. В понедельник клуб был почти пуст: двое школьных учителей негромко обсуждали партию в дальнем углу, Ида считала что-то по тетради. Бумажные листья под потолком перестали шелестеть — их маленький механизм заводили только в людные дни.

Рихард принес доску без воды.

— Вы говорили про старую домашнюю. Подумал, эта будет ближе.

Я провела пальцем по деревянному берегу.

— Здесь у путников хотя бы нет собственного мнения.

— Не уверен. Этот всю дорогу смотрел на меня неодобрительно.

Он поставил передо мной фигурку с тонким нарисованным усом.

Мы начали играть, но после нескольких ходов я остановилась. На среднем островке возникло знакомое пятничное положение, только теперь пути были открыты иначе.

— Подождите. Если я поверну этот мост, вы не успеете подвести второго.

— Успею, если не стану вести его за первым.

— Тогда мне придется отойти назад.

— Не обязательно.

Я посмотрела на Рихарда.

Он сразу убрал руку от доски.

— Простите. Вы размышляете вслух, а я отвечаю, как будто меня спросили.

— Я действительно спрашивала. Только не успела дойти до вопросительного знака.

Мы рассмеялись. Рихард придвинул стул ближе, но не взял ни одной фигурки. Показал пальцем на свободную площадку возле берега, не касаясь ее.

— Здесь остается путь.

— Для меня — да. Но ваш путник потом займет выход, и я окажусь в том же положении.

Он посмотрел внимательнее.

— Верно. Я слишком рано решил, что вы пойдете дальше.

Я повернула мост и провела по воздуху пальцем возможную дорогу. Рихард возразил, я не согласилась, мы вернули все в исходное положение и попробовали еще раз. Через пять минут уже не помнили, чья была очередь в настоящей партии.

Пришлось начать заново.

Мне нравилось это занятие. Рихард возражал охотно, но всякий раз давал мне довести путника до конца придуманной дороги. Я с таким же нетерпением ждала возможности проверить его ответ. Иногда мы оба тянулись к мосту и останавливались: сначала надо было договориться, какой из двух вариантов сейчас разбираем. Незнакомый еще недавно человек оказался удивительно удобным собеседником для упрямого спора.

Я тоже не всегда была терпелива.

Когда он в третий раз вернулся к одному и тому же повороту, я сказала:

— Вы хотите, чтобы мост признал свою неправоту?

Рихард посмотрел на меня, потом на деревянную перекладину.

— Пока не хочет.

— Может, оставим его в покое?

— Еще один раз.

Он попробовал, убедился, что ничего не меняется, и отодвинулся.

— Теперь оставим.

— Вам трудно отступать?

— Если кажется, что решение рядом, — да. А вам?

Я повертела своего путника между пальцами.

— Мне трудно отказаться от красивого решения. Даже когда оно уже дважды оказалось неудобным.

— Значит, у наших путников есть основания жаловаться.

Мы доиграли. На этот раз победил Рихард, но я заставила его долго возвращаться к дальнему мосту. Он сказал, что теперь будет опасаться моей щедрости, и я поняла: Леопольд успел рассказать ему о воскресной партии.

— Он сердился?

— Леопольд? Нет. Объяснял всем, как следовало ответить на ваш ход. Думаю, к следующему воскресенью победит вас в рассказе.

Я смеялась так громко, что Ида подняла голову от тетради.

— Если партия настолько веселая, потом покажете мне.

— Это не партия, — ответил Рихард. — Это почта.

Ида не стала уточнять.

К половине восьмого я проголодалась. В клубе продавали чай и сухое печенье, которое существовало, кажется, дольше некоторых участников. Рихард посмотрел на блюдо и осторожно постучал одним печеньем по другому.

— Можно попробовать. Или использовать для укрепления моста.

— Я не хочу рисковать мостом.

Он предложил пройти до пекарни на углу. Я согласилась и только возле вешалки заметила, что делаю это без привычного перечисления дел, которые еще ждут дома.

На улице стемнело. У пекарни пахло горячим тестом и луком. Мы купили по небольшому пирогу и остановились под навесом, потому что свободных мест внутри не оказалось.

Рихард откусил слишком рано, обжег язык горячей начинкой и замер с таким оскорбленным видом, что я отвернулась, пряча смех.

— Не сдерживайтесь, — сказал он наконец. — Это было вполне заслуженно.

— Я думала, драконы не боятся горячего.

Он посмотрел на пирог.

— В этом облике язык у меня самый обычный. Очень удобно забывать об этом в неподходящий момент.

— Фрида сказала, что вы дракон. Я не знала, уместно ли спрашивать.

— Уместно. Я просто не начинаю с этого каждое знакомство.

— Было бы трудно продолжать. «Добрый вечер, я дракон». И дальше уже нечем удивить.

— Приходится брать пирог без осторожности.

Мы ели, стоя рядом. Мимо протискивались люди с корзинами; Рихард стоял ближе к краю навеса, и всякий раз нам приходилось придвигаться друг к другу.

Когда пироги закончились, он собрал бумагу и отнес ее в короб для мусора.

— В среду вы свободны? — спросил он, вернувшись.

— После работы — да.

— У меня дома есть доска, которая не заставляет путников плавать. И чай лучше клубного.

Я посмотрела на его лицо. Он ждал ответа, не стараясь сделать приглашение незначительным.

— Приду, — сказала я. — Но если печенье такое же, уйду сразу.

— Тогда куплю свежее.

Мы пошли к площади. Я узнала тот самый фонтан и подумала, что за последние три дня стала встречать возле него одного человека чаще, чем за весь предыдущий месяц встречала знакомых вообще.

Рихард проводил меня до моей улицы. Мы остановились у поворота, немного дольше, чем требовалось для прощания.

— До среды, Эльза.

— До среды.

На этот раз я не оглянулась сразу. Прошла несколько шагов, потом все-таки повернула голову.

Он еще стоял на углу.

Глава 5. Честная победа

У Рихарда оказалась маленькая квартира над мастерской сапожных застежек.

Ничего драконьего я в ней сначала не заметила. Книги, широкая лавка у окна, два стула, рабочий стол с цветными стеклышками, закрытыми мягкой тканью. На стене висела карта окрестных троп, но не огромная, как я зачем-то ожидала, а совсем скромная, с загнувшимся нижним углом.

Зато у входа стояла нелепо большая корзина.

— Для чего она? — спросила я, снимая пальто.

— Для всего, что не должно лежать у двери.

— И помогает?

— Теперь все лежит в корзине у двери.

Я заглянула: шарф, свернутый кусок ткани, старые перчатки, деревянная коробка без крышки. Обычная человеческая победа над беспорядком — передвинуть его в границы предмета.

Рихард взял мое пальто и повесил рядом со своим. На мгновение два рукава переплелись, и он осторожно разъединил их, словно это имело значение.

Я почему-то заметила именно это.

Он действительно купил свежее печенье. Еще поставил на стол сыр и нарезанные яблоки, хотя я сказала, что поужинала. Потом спросил, не мешает ли свет из окна.

— Пока нет, — ответила я. — Если начнет мешать, скажу.

— Хорошо.

Он отодвинул от края стола стеклянный образец и принес доску.

Она была старой, темной от рук, с одним мостиком чуть светлее остальных.

— Меняли? — спросила я.

— Сломал в юности. Доказывал брату, что он повернул не туда.

— Кто оказался прав?

— Брат. Но это выяснилось уже после.

— У вас есть брат?

— Живет далеко. Мы пишем друг другу и до сих пор иногда возвращаемся к тому мостику.

Рихард провел пальцем по светлому мостику и улыбнулся. Я представила двух мальчишек над доской, потом посмотрела на его нынешние руки и с трудом совместила одно с другим.

Мы уселись напротив.

Первые несколько минут я была слишком занята тем, как сижу. Не мешает ли рукав, не глупо ли держу чашку, заметно ли, что мне нравится находиться здесь. Потом Рихард сделал такой неприятный ход, что я забыла обо всем лишнем.

— Вы могли бы подождать хотя бы до второго печенья.

— Я думал, вы уже съели второе.

— Это было первое, разделенное пополам.

— Тогда признаю недостаток наблюдательности.

Он улыбался, но фигуры не отодвигал.

Я не хотела, чтобы отодвигал.

Он собирался выиграть и уже перекрыл мне самый удобный путь. Я поставила чашку подальше от доски, чтобы не зацепить рукавом, и наконец как следует посмотрела на положение.

Я пошла не туда, куда он ожидал. Отвела первого путника почти к берегу, пожертвовав несколькими ходами, и начала выводить второго по дальнему краю.

Рихард нахмурился.

— Вы оставляете середину.

— На время.

— В прошлый раз Леопольд тоже так подумал.

— Он оказался в приятной компании.

Рихард не стал спешить. Проверил ближайший мост, посмотрел на мой второй путь. Я видела, как он разбирает замысел, и все же один промежуток оставался незамеченным. Если бы он сейчас повернул дальний мост поперек, мне пришлось бы долго возвращать первого путника. Но он решил, что успеет занять центральную площадку раньше.

Я дождалась этого.

Потом перевела второго путника на островок, который не выглядел важным, пока не становился единственным свободным выходом.

Рихард замер.

— Вот теперь вижу.

— Поздно?

— Неприятно поздно.

Он попытался сохранить путь вдоль берега. Я закрыла его не поворотом, а своим первым путником, наконец дошедшим до нужного места. Рихард несколько раз посмотрел с одной стороны доски на другую.

Я не двигалась.

В моей груди уже поднималась радость, но хотелось досмотреть до конца. Иногда я слишком рано начинала праздновать собственную находчивость и упускала самый простой ответ.

Ответа у него не оказалось.

Через четыре хода я довела обоих путников.

Рихард откинулся на спинку стула и засмеялся.

— Я сам оставил вам эту площадку.

— Вы оставили мне надежду, — сказала я. — Площадку пришлось взять.

— Верно. Покажете еще раз, с какого места это началось?

— После чая. Я хочу немного побыть непобедимой.

Он встал и наполнил мою чашку.

— Сколько вам нужно?

— До следующей партии.

— Справедливый срок.

Я смотрела, как он возвращается к столу, и понимала, что запомню этот вечер. Не потому, что выиграла. Я выигрывала и раньше. Но прежде рядом с победой слишком часто появлялось объяснение: соперник отвлекся, устал, играл невнимательно, не заметил очевидного. Все это могло быть правдой. И все же иногда хотелось услышать, что я тоже что-то сделала.

Рихард не торопился уменьшать свой проигрыш.

— У вас хорошо получается видеть не ближайший удобный ход, а место, которое понадобится потом, — сказал он.

— Не всегда. Иногда я вижу место, которое никому не понадобится.

— Тогда можно хотя бы полюбоваться.

Я рассмеялась.

Мы разобрали партию, поспорили о двух поворотах и обнаружили, что в одном месте я сама могла проиграть, если бы он выбрал другой путь. Я несколько раз проверила найденный ответ. Как хорошо, что во время партии он до него не додумался.

Потом разговор ушел далеко от доски.

Рихард спросил, люблю ли я переводить стихи. Я призналась, что не люблю: слишком легко испортить чужое красивое движение, пытаясь сохранить все слова.

— А сами пишете?

— Только сердитые примечания на полях.

— Это отдельный жанр.

— Очень распространенный, но плохо оплачиваемый.

Он рассказал, как однажды целую неделю подбирал зеленое стекло для заказчицы, а потом выяснилось, что она смотрела на образцы через янтарные очки. Я смеялась, пока не пролила чай на блюдце.

Рихард подал салфетку. Наши пальцы встретились на ее краю.

Обычное прикосновение, случайное и короткое. Я почувствовала его так ясно, словно до этого весь вечер сидела в перчатках.

Он не убрал руку резко. Подождал, пока я возьму салфетку, и только потом отступил.

За окном зажигались фонари. На стене появилось цветное пятно от небольшого витража, стоявшего на подоконнике. В нем не было ни герба, ни пышного узора — несколько неровных полос синего и желтого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.